

ПЛАТОНОВСКИЙ ДИАЛОГ «КСЕНЕДЕМ» ФЕОДОРА ПРОДРОМА: ПСЕВДОАНТИЧНЫЕ ГЕРОИ И ИХ ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРОТОТИПЫ

О. Ю. ГОНЧАРКО

Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

Санкт-Петербургский государственный университет

goncharko_oksana@mail.ru

d_chernoglazov@mail.ru

OKSANA Y. GONCHARKO

DMITRY A. CHERNOGLAZOV

Saint Petersburg State University

PLATONIC DIALOGUE "XENEDEMOS" BY THEODOROS PRODROMOS:

ANCIENT PROTAGONISTS AND THEIR BYZANTINE PROTOTYPES

ABSTRACT. The dialogue "Xenedemos, or Voices" is a little-known philosophical work by Theodoros Prodromos, an outstanding 12th century Byzantine writer. The objective of the paper is to reveal, who of Byzantine intellectuals of the time could serve as prototypes of the main protagonists of the dialogue. The historical and logical content of "Xenedemos" is analysed. It is argued that its main character, named Theokles, encompasses crucial features of Michael Psellos and John Italos.

KEYWORDS: history of logic, medieval logic, platonic dialogue, byzantine philosophy, byzantine literature, Komnenian renaissance.

* В статье представлены исследовательские результаты, полученные при выполнении проекта РГНФ № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

Феодор Продром – одна из центральных фигур в византийской литературе XII века. Его обширное наследие включает произведения, самые разнообразные по стилю и жанру – от комментариев к канонам Иоанна Дамаскина и философских трактатов до пародийной драмы о войне кошек и мышей и стихотворного любовного романа (Hörandner 1974, 21–72). О творчестве Продрома написано немало, но многие его сочинения и поныне остаются

неизученными. Среди них можно упомянуть и диалог «Ксенедем, или Гла-сы» (Ξενέδημος ἢ Φωναί) – предмет настоящего исследования.

Диалог доступен в изобилующем ошибками некритическом издании почти двухсотлетней давности (Cramer 1836, далее Xen.); помимо нескольких коротких упоминаний в обобщающих монографиях (Τατάκης 1977, 209; Hunger 1978, 25, 35; Kaldellis 2007, 252), анализу диалога посвящены всего две научные статьи (Χαραλαμπίδης 2005; Гончарко, Черноглазов 2015). Между тем, этот любопытный текст, безусловно, заслуживает и критического издания, и всестороннего изучения.

Основное содержание «Ксенедема» – это критика пяти признаков понятия, или «гласов», сформулированных Порфирием в его «Введении к “Категориям” Аристотеля». Однако эта критика облекается не в традиционную форму трактата или письма, а в необычную для византийской литературы форму платоновского диалога. Фабула диалога сводится к следующему. Афинянин Мусей приходит к Ксенедему и просит его рассказать о прославленном философе Теокле из Византия, его учителе и родственнике. Ксенедем восхваляет мудрость и красноречие Теокла, но Мусею не достаточно этого отвлеченного панегирика – ему нужен более конкретный рассказ о философских взглядах Теокла, и тогда Ксенедем делится с ним воспоминанием из своего детства: однажды, когда юный Ксенедем шел в школу (он штудировал тогда «Введение» Порфирия) ему повстречался Теокл, завязалась беседа об определениях пяти «гласов», Теокл стал задавать Ксенедему вопросы и – сократовским диалектическим методом – привел его к убеждению, что все пять определений, которые он блестяще выучил в школе, не выдерживают критики. На этом диалог и заканчивается – Теокл оставляет юношу в полном недоумении и растерянности.

Даже краткий пересказ «Ксенедема» показывает, что он написан в подражание платоновским диалогам. Приверженность платоновской традиции проявляется в целом ряде аспектов. Из диалогов античного философа заимствуются лексические обороты, мотивы, сюжетные ходы и элементы композиции – наиболее очевидны параллели с диалогами «Теэтет», «Парменид» и «Федон». Но главное заключается в том, что «Ксенедем» – пример последовательного применения сократического метода. Философ Теокл ведет себя как Сократ: вступая в беседу с уверенным в своих знаниях юношей, он занимает позицию εἶρων – притворяется незнающим, чтобы вывести мысли оппонента и завести его в тупик. Теокл не опровергает и не корректирует определения сам, с позиций учителя – он лишь задает вопросы, а выводы делает уже его собеседник. Истина не излагается в виде учения, юный Ксе-

недем – под руководством Теокла – лишь делает первый шаг к ее постижению. Сократический характер диалога не вызывает сомнений.

Действие диалога разворачивается в декорациях классической античности, но его содержание, бесспорно, отражает проблематику, актуальную для византийской философии XII в., а портреты псевдоантичных персонажей списаны с самого автора и его современников. Закономерно возникает вопрос: кто скрывается под масками Теокла, Ксенедема, Мусея и Гермагора, можно ли выявить прообразы этих героев? Попытаться ответить на этот вопрос – задача настоящей статьи. В первую очередь, следует обратить внимание на «биографические данные» и внешние приметы, которыми Продром наделяет своих героев, и сопоставить их с тем, что нам известно о византийских интеллектуалах XI – XII вв. Во-вторых, необходимо сопоставить логические идеи диалога «Ксенедем» с известными византийскими работами по логике XI – XII вв.

Больше всего конкретных фактов и деталей сообщается о центральном персонаже диалога – Теокле.

1. Родина (ἐνεγκαμένην) Теокла – Византий (Хеп. 204. 2–3; 205. 22–23; 26), но родом он из Италии и в Византии ощущает себя «иноземцем» (ἔπηλυν) и «неполноценным гражданином» (παράγραπτον πολίτην) (Хеп. 205. 30–32). Ксенедем приходится Теоклу родственником.

2. Теокл – автор многочисленных произведений. По словам Ксенедема, одни из его сочинений обращены к василевсам, а другие – к «частным лицам» (ιδιώτας); из сочинений к василевсам одни повествуют «о войнах и победах», а другие – «о всяческих болезнях и смертельных недугах (θανάτους ἐπιχίρους¹)»; при этом в каждой группе сочинений есть как прозаические, так и стихотворные, написанные разнообразными размерами; Теокл пишет много и неустанно (Хеп. 205. 7–21).

3. Теокл заикается (Хеп. 204. 27–205. 2)

4. Теокл прекрасно осведомлен в философии и виртуозно владеет сократовским диалектическим методом – об этом свидетельствует весь текст диалога.

О том, кто подразумевается под Теоклом, высказывались различные предположения. С. Г. Пападимитриу, автор фундаментальной монографии о Продроме, не сомневается в том, что Феодор имеет в виду Михаила Пселла. По мнению ученого, об этом свидетельствует перечень сочинений Теокла, его характеристика как философа и намек на речевой дефект – заикание (Пападимитриу 1905, 110–112). Е. Курц в рецензии на монографию Пападимитриу показывает, что такая идентификация неубедительна, и осторожно предлагает другую кандидатуру – старшего друга и учителя Продрома Ми-

¹ Читаем ἐπιχίρους вместо ἐπιχαίρους Хеп.

хаила Италика (Kurtz 1907). Еще одну трактовку предлагает С. Эббесен – он полагает, что Теокл сочетает в себе черты двух византийских философов XI в., Михаила Пселла и Иоанна Италика (Ebbesen 1996, 81–82). Наконец, Н. Г. Харалампопулос, никак не комментируя версии предшественников, уверенно утверждает, что под Теоклом подразумевается Михаил Италик. Его аргументация сводится к следующему: диалог трактуется как «энкомий», восхваляющий «идеального учителя», а таким учителем был для Продрома именно Италик – ученик ставит своего наставника в один ряд с Платоном и Аристотелем; к Италику обращено другое философское сочинение Феодора – «О великом и малом» (Χαράλαμπος 2005, 196–197).

Из перечисленных версий наиболее правомерно, как нам представляется, предположение С. Эббесена – исследователь *допускает*, что Теокл может быть *комбинацией* нескольких прототипов. Образ Теокла, скорее всего – собирательный, и мы сейчас попытаемся это показать.

Наибольшее сходство Теокл обнаруживает с Иоанном Италиком, на которого он «похож» куда больше, чем на Михаила Италика:

1. Как и Теокл, Иоанн происходил из Италии и вполне мог чувствовать себя в Константинополе «чужеземцем» – современники воспринимали Иоанна как выходца из Италии; именно ему император доверил посольство к норманнам; Итал говорил по-гречески с сильным иностранным акцентом (*Alexias* V. 8. 5; 8 Kambylis–Reinsch). О вероятных «италийских» корнях Михаила Италика может свидетельствовать лишь его *сognome* Ἰταλικός – ни сам он, ни его современники ничего о его происхождении не сообщают.

2. Как и Теокл, Иоанн Итал – философ *par excellence*: он активно изучал и комментировал Аристотеля, немало писал о Порфирии – в частности, определениям предикабилей, обсуждаемых в нашем диалоге, посвящены многие из глав его «Апорий» (об этом см. ниже); как «ипат философов», глава философской школы в Константинополе, он посвящал молодых людей в учения Платона, Прокла, Порфирия и Ямвлиха, а особое внимание уделял толкованию «Органона» Аристотеля (*Alexias* V. 9. 1). Михаил Италик, разумеется, тоже преподавал философию и прослыл у современников «вторым Платоном», но, по выражению издателя его трудов, он был «скорее гуманистом, чем философом» (Gautier 1972, 18) – в его наследии нет ни одного философского трактата; он нигде не изложил систематически свои философские взгляды, нигде отчетливо не показал своей приверженности какому-либо философскому учению; в одном из писем Италик признал превосходство риторики над философией (Gautier 1972, 139–140); имя Порфирия во всех его произведениях упоминается лишь один раз, в дружеском письме (Gautier 1972, 60.19).

3. Как и Теокл, Иоанн Итал прекрасно владел диалектическим методом ведения дискуссий. Его способность завести в логический тупик любого собеседника неоднократно отмечалась. Вот что пишет, например, Анна Комнина: «Он был настолько силен и непобедим в диспутах, что его противники оказывались беспомощными и сами собой замолкали. Своими вопросами он рыл для собеседника яму и бросал его в колодезь трудностей. Этот муж был настолько опытен в диалектике, что непрерывным градом вопросов буквально душил спорящих с ним, а их ум приводил в замешательство и смущение. Никто не мог, раз встретившись с ним, пройти сквозь его лабиринты» (*Alexias* V. 8. 6 – пер. Я. Н. Любарского). Не такое ли умение «непрерывным градом вопросов» привести собеседника «в замешательство и смущение» очевидным образом демонстрирует Теокл? Недаром заведенный в очередной тупик Ксенедем восклицает, что Теоклу по силам «сделать сомнительным все, что казалось несомненным, и ниспровергнуть все, что стояло надежно» (Хеп. 214. 23–25)!

Итак, параллели с Иоанном Италом очевидны, но, в то же время, некоторые черты Теокла с этим прообразом никак не сочетаются, но, скорее, сближают философа с другими знаменитыми византийцами XI – XII вв:

Говорил Итал невнятно, но он вряд ли страдал заиканием. По свидетельству Анны Комнины, «речь его была такой, какая и могла быть у человека, который, еще юношей переселившись в нашу страну из земли латинян, выучил греческий язык, но произносил не совсем чисто и иногда проглатывал слоги (ἔστιν οὖ καὶ κολοβωτέρας ἐκφέροι τὰς συλλαβάς); невнятность его речи (τὸ τοῦ στόματος οὐκ εὐαγές) и крайняя неправильность произношения (τὸ εἰς ἄκρον ἄφωνον) были заметны многим, а более искушенные в риторике уличали его в деревенском говоре» (*Alexias* V. 8. 8). Несмотря на неясность некоторых формулировок, понятно, что Анна имеет в виду скорее не физический дефект артикуляции, а иностранный акцент, от которого Иоанну так и не удалось избавиться. Заикание сближает Теокла с другим персонажем – с самим Феодором Продромом. В небольшом произведении «Злословящим на Промысел из-за бедности» (Migne 1864, 1291–1302) Феодор рассказывает о себе и, в частности, признает за собой этот природный недостаток. Как отметил еще Е. Курц (Kurtz 1907), о своем собственном заикании и о заикании Теокла Продром сообщает в сходных выражениях. Есть и еще одна черта, роднящая Продрома с Теоклом: в том же небольшом трактате Феодор «скромно» сообщает, что из его многочисленных речей ни одна не была заготовлена заранее – все они готовыми слетали с его уст (Migne 1864, 1297B); у Теокла тоже есть такая способность – импровизировать, создавать свои сочинения без подготовки (Хеп. 205. 15 – αὐτοματίσαι γράμμα).

Заикание – не единственная черта, отличающая Теокла от Итала. Перечень произведений вымышленного философа совершенно не согласуется с дошедшими до нас трудами Иоанна. Конечно, некоторые сочинения Итала обращены к «василевсам» (трактат «О диалектике» [Cereteli 1924, 1–28] и [Joannou 1956, № 43] адресованы Андронику Дуке; [Joannou 1956, № 50] – Михаилу VII Дуке), но, в отличие от Теокла, он едва ли писал что-то о «болезнях» и тем более «о войнах и победах» – дошедшие до нас труды Иоанна посвящены философской, логической, богословской тематике, в крайнем случае, риторической теории (Stephanou 1949, 7–12); Теокл писал не только прозу, но и стихи, причем разнообразными размерами, а о стихотворных сочинениях Итала мы ничего не знаем, да и вряд ли можно было бы ожидать их от иностранца, который не в совершенстве выучил греческий язык, «не вкусил сладости риторики», изъяснялся «грубо и неприкрашенно» (*Alexias* V. 8. 6 – пер. Я. Н. Любарского), его речь «не блистала красотой», в ней не было ни ритма, ни изящного сочетания слов (Littlewood 1985, op. 19. 56–58).

Несколько ближе к трудам Теокла оказываются сочинения Михаила Италика, но и они не вполне вписываются в характеристику. Как и Теокл, Италик пишет «василевсам» «о войнах и победах» – в своих βασιλικοὶ λόγοι императорам Иоанну II и Мануилу I Комнинам он превозносит их победы и подвиги на поле брани (Gautier 1972, №43, 44); Михаил преподает медицину, осведомлен во врачебном искусстве и в своих письмах неоднократно это демонстрирует (№ 31, 32), но специальных трактатов «о смертельно опасных недугах» от него не дошло; об Италике как поэте нам тоже ничего не известно.

Труды самого Феодора Продрома тоже не вполне соответствуют списку. С одной стороны, Продром написал немало речей и стихов, обращенных к императорам и воспевающих их подвиги и воинскую доблесть (Hörandner 1974, 37–56); с другой стороны, никаких сочинений Феодора о болезнях до нас не дошло, хотя их существование, в принципе, можно допустить – Продром, подобно Италику и другим интеллектуалам Комниновской эпохи, тоже интересовался медициной и физиологией (Черноглазов 2011).

Есть лишь один автор, труды которого идеально сочетаются со списком сочинений Теокла – это Михаил Пселл. Перу Пселла принадлежат и многочисленные панегирики императорам, прославляющие их победы (Любарский 2001, 497–511), и, что самое примечательное, медицинские трактаты, как прозаические, так и стихотворные; из них особо следует отметить сочинение в прозе под названием «О необычных названиях болезней», содержащее наименования недугов и их краткие определения (Boissonade 1829, 233–241), и пространное ямбическое Πόνημα ἰατρικόν, по большей части посвященное описанию симптомов разнообразных заболеваний (Westerink

1992, op. 9, о болезнях 243–1374) и, по всей видимости, адресованное Михаилу VII Дуке (см. также Westerink 1992, op. 11, 62) – точь-в-точь как у Теокла, сочинения, написанные василевсам «о всяческих болезнях и смертельных недугах».

Итак, мы показали, что образ Теокла был, по всей видимости, задуман Продромом как собирательный: как основной прототип был выбран Иоанн Итал, но добавлены черты, по крайней мере, двух других персонажей – его учителя Михаила Пселла и самого автора, Феодора Продрома. Можно ли что-то сказать о византийских прообразах остальных героев диалога?

О Ксенедеме мы знаем значительно меньше, чем о Теокле: помимо самых общих сведений – Ксенедем существенно младше Теокла и приходится ему родственником – нам известна лишь одна конкретная подробность: упомянув о том, что Теокл погладил его по волосам, Ксенедем отмечает, что тогда – в ранней юности – у него были «светлые волосы, ниспадавшие до плеч» (Хеп. 206. 23–25). Эта деталь сближает Ксенедема с Феодором Продромом: в одном из писем Продром сетует на то, что из-за болезни выпали все его «золотистые волосы» (Migne 1864, 1251A), а в другом просит адресата помолиться о том, чтобы его голова вновь «озолотилась волосами» (Migne 1864, 1257B). Таким образом, Продром наделяет своими собственными чертами обоих главных персонажей диалога: Теокл заикается, а Ксенедем вспоминает о роскошных золотистых кудрях, которых теперь лишился.

Есть еще один персонаж диалога, о внешности которого мы что-то знаем – это Гермагор, учитель Ксенедема. Когда юноша сообщает о том, что он изучает «Введение» Порфирия под руководством Гермагора, Теокл иронично отмечает, что «и книга наимудрейшая, и из наставников Гермагор наиученейший: о его любомудрии свидетельствует и многое другое, но особенно ниспадающая до колен борода и покрывающая лицо бледность» (Хеп. 206. 33–207. 4). Длинной бороде Гермагора «достаётся» еще дважды: Теокл предлагает посоветоваться с Гермагором – «возможно, борода сможет сказать об этом лучше, чем другие» (Хеп. 209. 26–27); Ксенедем признает, что излишне доверял «окладистой бороде» Гермагора (Хеп. 212. 27–28).

Можно ли оценивать эти внешние черты как индивидуальные приметы неизвестного современника? Характеристика Гермагора представляет собой легко узнаваемую аллюзию на диалог Лукиана «Икароменипп»:

Xen. 206. 33 – 207. 4:

καὶ διδασκάλων ὁ Ἑρμαγόρας πολυμαθέστατος· ἐκ πολλῶν τε ἄλλων, καὶ τῆς ὑπῆνης μάλιστα, καὶ τῆς ὥχρας· τῆς μὲν τὰ πρόσωπα περιπλανωμένης, τῆς δ' ἄχρι καὶ ἐπὶ γονάτων καθειμένης, τεκμηριούμενος τὸ φιλόσοφον.²

Luc. Icaromenipp. 5:

οὕτω δὲ τοὺς ἀρίστους ἐπιλεξάμενος αὐτῶν, ὡς ἐνῆν τεκμήρασθαι προσώπου τε σκυθρωπότητι καὶ χροῶς ὠχρότητι καὶ γενείου βαθύτητι—μάλα γὰρ ὑψαγόραι τινὲς καὶ οὐρανογνώμονες οἱ ἄνδρες αὐτίκα μοι κατεφάνησαν...³

То есть характеристику Гермагора можно расценивать как *locus com-
munis* – как собирательный образ лжефилософа, вся мудрость которого за-
ключается в бороде и в бледности лица. Однако нельзя исключать, что в ней
все же кроется личный выпад против конкретного оппонента. Среди сочи-
нений Продрома имеется небольшое стихотворение «Против длинноро-
дого старика, кажущегося из-за этого мудрецом» (Voissonade 1829: 430–435).
Сатирические стихи обращены к неизвестному лицу, фигурирующему под
псевдонимом «Феокрит». Борода Феокрита безобразно разрослась и воняет
козлом, но он все равно ею гордится – ему кажется, что «густая длинная бо-
рода – знак любомудрия» (v. 30–32). Продром возражает оппоненту: если бы
у Платона, Аристотеля, Эмпедокла, Пифагора или Сократа не было бороды,
это не мешало бы чтить их как философов (v. 33–48); а если беглого раба, не
умеющего связать двух слов, считать мудрым, только потому, что он обре-
менен окладистой бородой, то почему бы первенство в философии не усту-
пить козлам? (v. 60–75) Если предположить, что Феокрит – реальное лицо,
то он, вполне вероятно, идентичен бородатому философу Гермагору.

Мы попытались выявить возможные прототипы персонажей диалога
«Ксенедем», исходя из биографических данных персонажей, которые нам
предоставляет его автор. Вместе с этим, два прообраза, на которые мы ука-
зали, а именно Иоанн Итал и Михаил Пселл активно занимались логикой и
диалектикой. Нельзя ли обнаружить какие-либо параллели между тем, что
говорит Теокл, и тем, что мы обнаруживаем в их сочинениях? Иными сло-
вами, не говорят ли Итал и Пселл устами Теокла?

Охарактеризуем вкратце логическое содержание диалога. «Ксенедем»
основывается на рассуждении об определениях основных компонентов

² Из учителей Гермагор – наичужнейший: о его любомудрии свидетельствует и многое
другое, но особенно борода, ниспадающая до колен, и покрывающая лицо бледность.

³ Я выбрал среди них лучших – если свидетелями достоинства считать угрюмое лицо,
бледный цвет кожи и густую бороду, – и действительно, на первый взгляд они показались
мне людьми красноречивыми и знакомыми с небесными явлениями (пер. С. С. Лукьянова).

процедуры определения, и эта тавтология принципиальна: все затруднения в определениях, взятых у Порфирия и представленных в диалоге, имеют общий источник – проблему определимости определения.

Пытаясь сквозь призму рассуждений Теокла сделать некоторые выводы о логической системе Феодора Продрома, можно предположить следующее: в общем и целом, Продром любит играть с автореферентностью понятий. Теокл достаточно изящно ведет разговор о пяти предикабилиях (гласах) Порфирия, применяя каждую из них к определению самой себя. Его вопросы можно переформулировать следующим образом: существуют ли роды родов; каковы виды видов; чем видовое отличие *отличается* от остальных «гласов» *по виду*; каков признак собственный у признака собственного и не является ли привходящий признак лишь случайным (привходящим) компонентом процедуры определения, которого может и не быть?

Можно утверждать, что Иоанн Итал – один из возможных прототипов Теокла – также не оставляет без внимания проблему автореферентности понятий. В «Апориях и разрешениях» эта тема появляется в целом ряде трактатов. Перечислим лишь некоторые:

1. Ссылаясь в самом начале на известное определение философии как искусства искусств и науки наук (τέχνην τεχνῶν καὶ ἐπιστήμην ἐπιστημῶν), Итал придает ему автореферентное звучание: если обычно эти словосочетания приводятся в смысле *genetivus objectivus*, то у Итала можно выявить также и другое понимание этого словосочетания – в смысле автореферентности: «и равно как [начало всего сущего] – это начало начал, также и философия наука наук» (Joannou 1956, 3. 14–15); «Аристотель Стагирит [называл] ее наукой других наук и искусством искусств, но потому что она есть все они не в виде отображения (εἰκονικῶς), что называется по существованию (καθ' ὑπαρξιν), а в виде образца (παράδειγματικῶς), [ибо] она рассуждает об их началах» (Joannou 1956, 2. 10–13). А далее поясняя это определение философии, Итал рассуждает следующим образом: «таким образом и [другие науки], геометрия и арифметика, [рассуждают] не о сущих как сущих, а о сущих как формах и числах, а философия – не о таковых, но о сущих вообще, лишенных всего привходящего» (Joannou 1956, 3. 17–20), т. е. уже не в смысле ее главенства иерархического (философия – осмысление начал других наук), а в смысле ее структурного соответствия собственному предмету познания – началу начал.

Именно философия, а не какая другая наука рассуждает о начале начал (еще одно автореферентное понятие), как поясняет Итал, в силу ее исходности и основоположности по отношению к другим наукам, и именно философия же – об определениях (в том числе и об определениях основных ком-

понентов самой процедуры определения: роде, виде, видовом отличии, собственном и приводящем признаках).⁴

2. В таких же «автореферентных» отношениях и логика с философией: во-первых, как поясняет Итал в специально посвященной этому вопросу «апории», логика – не часть философии, а ее инструмент (*ὄργανον*), т. е. то, с помощью чего познает наука наук (Joannou 1956, 17–18), и, выражаясь в терминах современной логики, – понятие второго порядка (наука науки наук). Также Итал не чужд и другому пониманию логики как отдельной науки наряду с геометрией и арифметикой, но если последние трактуют сущие предметы как исчисляемые и оформленные, то логика трактует их как определяемые (Joannou 1956, 3. 21–22).

3. В трактате (Joannou 1956, op. 7) Итал приводит определение феномена автореферентности в терминах позднеантичного неоплатонизма: «[элины] говорят, что самостоятельно существующее (*αὐθύπαρκτον*) – это то, что создало само себя; оно же является двойным, потому что производящее – это одно, а производимое – это другое... это же [именуется] у них существующим самостоятельно и существующим само по себе (*αὐθυπόστατον*); потому что оно обращено само на себя и обладает словно некоторой двойственностью и сложением – тем, что оно и производит и производится» (Joannou 1956, 9.28–10.4).

Другой возможный прототип Теокла – Михаил Пселл – также написал ряд трактатов, посвященных определению как логической процедуре, категориям и предикабиям (гласам). Однако логическое наследие Пселла до сегодняшнего дня мало изучено и предстоит проделать особый труд, устанавливающий точное авторство Пселла в случае большинства приписываемых ему логических трактатов (см. об этом подробнее Ierodiakonou 2002) прежде, чем ответственно заявить о преемственности логических идей Михаила Пселла и Феодора Продрома. Тем не менее, возможно сделать некоторые выводы о том, мог ли Пселл выступать в качестве прототипа Теокла в том, что касается его логических идей, опираясь только на те работы, которые без всяких сомнений принадлежат Пселлу: например, трактат «Ἀφορμαὶ τῶν περὶ τὰ γένη ἐπιχειρημάτων» (Duffy 1992, op. 12) посвящен упомянутым у Продрома темам, а в трактате «Εἰς τὸ οὐσία πρᾶγμα αὐθύπαρκτον» (Duffy 1992, op. 7) обсуждается проблема «автореферентности» понятия сущности. Что же касается логических трактатов, принадлежность которых Пселлу вызывает сомнения, можно отдельно указать на две работы, в которых обсуждаются и поясняются вопросы, относящиеся к проблеме определения, катего-

⁴ К этой теме Иоанн Итал обращается многократно в «Апориях и разрешениях» (см. напр., Joannou 1956, 7–8, 11–15, 20–21, 23, 25, 27 и проч.).

риям Аристотеля и предикабилиям Порфирия: «Περὶ τῶν πέντε φωνῶν» ([Duffy 1992, op. 51] – вполне возможно, что автором действительно является Пселл), а также «Διδασκαλία σύντομος καὶ σαφειστάτη περὶ τῶν δέκα κατηγοριῶν καὶ τῶν προτάσεων καὶ τῶν συλλογισμῶν...» ([Duffy 1992, op. 52] – рукописи свидетельствуют об авторстве Пселла, но стиль изложения совсем не похож на его стиль). Весьма интересны также логические работы, которые по стилю похожи на логические трактаты Пселла, однако, кроме указания на стиль, нет больше никаких других аргументов в пользу того, что эти работы ему принадлежат (Ierodiakonou 2002).

Итак, мы выявили возможные прототипы персонажей диалога «Ксенедем». По всей видимости, эти образы собирательные, но можно утверждать, что главный герой диалога, Теокл, сочетает в себе черты двух византийских интеллектуалов XI в., Иоанна Итала и Михаила Пселла – это проявляется как в биографии и внешности Теокла, так и в круге его интересов.

Что касается дальнейших логико-философских перспектив изучения диалога «Ксенедем, или Гласы» Феодора Продрома, можно указать следующие: интересно было бы сопоставить его с другими логическими работами как самого Продрома, так и в целом византийской логической традиции. Отдельный интерес представляет историко-философское, историко-логическое и стилистическое сопоставление этого диалога с диалогом Порфирия «Комментарий к “Категориям” Аристотеля».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гончарко, О. Ю., Черноглазов, Д. А. (2015) «“Ксенедем” Феодора Продрома: возрождение платоновского диалога в Византии XII века», *Вестник Русской Христианской гуманитарной академии* 4.
- Гончарко, О. Ю. (2013) «Диалог и псевдо-диалог как форма изложения аристотелевской логики в Византии», *Вестник Русской Христианской гуманитарной академии* 3, 224–230.
- Лисанюк, Е. Н. (2014) «Софистика – это не аргументация», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8 (2), 136–151.
- Любарский, Я. Н. (2001) «Михаил Пселл. Личность и творчество», Безобразов, П. В., Любарский, Я. Н. *Две книги о Михаиле Пселле*. Санкт-Петербург: Алетейя, 184–542.
- Пападимитриу, С. Д. (1905) *Феодор Продром. Историко-литературное исследование*. Одесса.
- Романенко, И. Б. (2002) «Платоновская образовательная парадигма и Академия», *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена* 2, 45–58.
- Романенко, И. Б., Романенко, Ю. М. (2014) «Аристотелевская философия образования», *Аксиология массовой культуры*. Материалы XXI международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и массовая культура».

- ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Северо-Западное отделение Российской академии образования, 2014. Санкт-Петербург, 253–263.
- Тоноян, Л. Г. (2008) «Теория определения: античность и современность», *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6*, 1, 137–144.
- Черноглазов, Д. А. (2011) «У врат смерти»: жалобы на болезни в византийских письмах IX – XIII вв., *Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов*. Санкт-Петербург, «Алетейя», 203–219.
- Boissonade, J. Fr., ed. (1829) *Anecdota graeca e codicibus regijs*. Bd. 1. Paris.
- Cereteli G., ed. (1924) *Iohannis Itali opuscula selecta*. Fasc. 1. Tphilisiis.
- Cramer, J. A., ed. (1836) Theodoros Prodromos. Xenedemus, sive Voces, *Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium* 3. 204–215.
- Duffy, J. M., ed. (1992) *Michaelis Pselli Philosophica minora*. Vol. 1. Stutgardiae et Lipsiae: Teubner
- Ebbesen, S. (1996) “Greek and Latin Medieval Logic,” *Cahiers de l’Institut du Moyen-Age Grec et Latin*, 67–95.
- Gautier, P., ed. (1972) *Michel Italikos. Lettres et Discours*. Paris: Institut Français d’Études Byzantines.
- Hörandner, W., ed. (1974) *Theodoros Prodromos. Historische Gedichte*. [Wiener Byzantinische Studien, XI] Wien.
- Hunger, H. (1978) *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. Bd. 1. München.
- Joannou, P., ed. (1956) *Ioannes Italus. Quaestiones quodlibetales*. Buch-Kunstverlag.
- Ierodiakonou, K. (2002) “Psellos’ Paraphrasis on Aristotle’s De interpretatione,” *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Clarendon Press, New York.
- Kaldellis, A. (2007) *Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition*. Cambridge.
- Kambylis, A., Reinsch, D. R., eds. (2001) *Annae Comnenae Alexias* [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Series Berolinensis XL/1]. Berlin–New York: De Gruyter.
- Kurtz, E. (1907) “С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905 [Рец],” *Byzantinische Zeitschrift* 16, 289–300.
- Littlewood, A. R., ed. (1985) *Michaelis Pselli oratoria minora*. Leipzig: Teubner.
- Migne, J.-P., ed. (1864) *Patrologiae cursus completus*. Series graeca. T. 133. Paris.
- Stephanou, S. J. (1949) *Jean Italos. Philosophe et humaniste*. Roma, Pont. Institutum Orientalium Studiorum.
- Τατάκης, Β. Ν. (1977) Η Βυζαντινή φιλοσοφία. Αθήνα: Εταιρεία Σπουδών Νεοελληνικού Πολιτισμού και Γενικής Παιδείας.
- Westerink, L. G. (1992) *Michaelis Pselli poemata*. Stuttgart: Teubner.
- Χαραλαμπόπουλος, Ν. Γ. (2005) «Ένας ‘πλατωνικός’ διάλογος του 12ου αιώνας: Θεοδώρου Προδρόμου Ξενέδημος ή Φωναί», *Αριάδνη (Ariadne)* 11, 189–214.